

СКРЫТЫЕ ПРЕДВЕСТИЯ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» А.С. ПУШКИНА

Владимир Иванович Пимонов

Ph.D in Philology, независимый исследователь, Копенгаген (Дания)

e-mail: ivpet65@mail.ru

ORCID: 0009-0006-3283-8205

Аннотация. Статья посвящена приему скрытого предвестия в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Скрытое предвестие проявляется в ретроспективе, когда в изображенном событии обнаруживается отображение более раннего эпизода, фразы или слова, которые изначально никак не связывались с этим событием. Провиденциальный заряд скрытого предвестия раскрывается в результате мысленного сближения далеко отстоящих друг от друга мест – при возвращении к ранее прочитанному, образно говоря, при обратном чтении от конца к началу, справа налево. Структура скрытого предвестия зиждется на завуалированных параллелях и переключках между далеко отстоящими друг от друга точками текста. Разобраны примеры скрытого предвестия в «Евгении Онегине», основанные на инверсии прямого и переносного смыслов, на эмблематической подаче темы, на завуалированной фонетической подготовке ключевого слова темы нагнетанием соответствующих звуков. Показано, что 1) упоминание оперы «Фрейшиц», в основе либретто которой лежит соревнование в стрельбе за руку женщины, оказывается завуалированным в иноязычном слове эмблематическим предвестием выстрела Онегина в Ленского; 2) взятие Ленским собственной ладьи («самоубийственный шахматный ход») оказывается скрытым предвестием будущего самоубийственного поступка – вызова им на дуэль Онегина; 3) упоминание хорея в иронической фразе о поверхностном образовании Онегина оказывается скрытым предвестием появления хорея в буквальном смысле – в виде стихотворного размера, которым написана Песня девушек; 4) мотив ножа, выраженный в сне Татьяны реальным предметом – орудием убийства, вновь возникает в финальной сцене романа – в анаграмме, оказываясь скрытым предвестием символической смерти Онегина.

Ключевые слова: Пушкин, Евгений Онегин, предвестие, контекст, событие, переключка, сюжет, хорей, сон, Опера, анаграмма

Введение

Речь пойдет о скрытых предвестиях в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Предвестие (англ. foreshadowing) представляет собой повествовательный прием, содержащий прообраз событий, которые произойдут по ходу действия. Вмонтированное в структуру текста, предвестие выступает репрезентацией будущего в настоящем, играя важную роль в подготовке как промежуточных перипетий сюжета, так и его развязки. В формализованном виде предвестие заключается в «предварении объекта или состояния А его редуцированным или замаскированным прообразом Пре-А» [Щеглов: 93]. Предвестие выступает в разных формах, таких как вещей сон, гадание, намек, знамение, предзнаменование, предчувствие, предсказание или пророчество. Эпизод убийства Ленского в сне Татьяны уже при первом прочтении вызывает интуитивное ожидание его реальной гибели в будущем, а фольклорный образ медведя, связанный со свадебной традицией, символизирует грядущий брак: «Этот сон предвещает выход замуж, хоть и не за милого» [Потебня: 564]. Такие формы иносказательного представления будущего в настоящем можно отнести если не к явному, то к распознаваемому при вни-

мательном чтении предвестию. В отличие от обычного предвестия, которое воспринимается как проспективный прием – прием, направленный в будущее, скрытое предвестие проявляется в ретроспективе, постфактум, когда в уже случившемся событии обнаруживается отображение более раннего, далеко отстоящего от него фрагмента текста, который при первом прочтении никак не связывался с этим событием. Провиденциальная роль скрытого предвестия высвечивается в результате мысленного сближения далеко отстоящих друг от друга точек текста – при возвращении к ранее прочитанному, образно говоря, при обратном чтении от конца к началу, справа налево [Пимонов: 191]. Разберем примеры скрытого предвестия в «Евгении Онегине»¹.

История вопроса

Классики русской структурной поэтики отмечали, что «предвестия, искусно вpleтаемые в ткань текста и не рассчитанные на какое бы то ни было – прогрессивное или регрессивное – осознание читателем (во всяком случае при однократном прочтении) <...> типичны для Пушкина. <...> Любовь к <...> глубоко запрятанным соответствиям между отдельными, далеко отстоящими друг от

¹ Далее – ЕО. Текст, нумерация глав и строф – по изданию: Пушкин А.С. Евгений Онегин / Ред. Б.В. Томашевский. Полн. собр. соч. В 16 тт. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1959. Т. 6. 1937.

друга точками текста – одно из проявлений филигранности пушкинского стиля, требующей многократного чтения и тщательного разглядывания» [Жолковский, Щеглов: 203]. Профетическая функция скрытого предвестия раскрывается, когда зашифрованное в нем будущее становится настоящим. Реализация скрытого предвестия происходит в тот момент, когда слово или высказывание, имеющее прямое значение в ближайшем контексте, неожиданно обретает переносный смысл в расширенном контексте и, наоборот, когда слово или высказывание, имеющее переносное значение в ближайшем контексте, приобретает буквальный смысл в расширенном контексте всего сюжета.

Стрела

В предложении «Швейцара мимо он стрелой / Взлетел по мраморным ступеням» (ЕО, 1, XXVIII, 2–3) Онегин сравнивается с летящей стрелой. Ощущение заложенного в этом сравнении скрытого смысла впервые возникает при мысленном возвращении к нему после слов «Паду ли я стрелой пронзенный» (ЕО, 6, XXI, 9) из вставного стихотворения Ленского в описании ночи перед дуэлью. Скрытое предвестие, заключенное в образном сравнении Онегина со стрелой, в итоге реализуется в фабульном событии: он действительно становится «стрелой», пронзающей Ленского [Славутин, Пимонов: 45]. В критике отмечалась переключка фразы «Паду

ли я стрелой пронзенный» с характеристикой Онегина в черновом варианте первой главы, где говорилось, что он умел «вызывать улыбку дам / Стрелой неожиданных эпиграмм»: «Это – очевидный случай претворения жанра в <...> фабульную жизнь героев романа: эпиграмма, <...> эмблемой которой было изображение стрелы, <...> в конечном счете воплощается в реальное орудие убийства: начав с эпиграмм, герой романа кончает зловещим выстрелом» [Турбин: 10]. Скрытое предвестие дуэли заложено и во фразе «Так зайчик в озими трепещет, / Увидя вдруг издалека / В кусты припавшего стрелка» (ЕО, 3, XV, 12–14). Трепет Татьяны сравнивается с трепетом зайчика, а Онегин образно уподобляется стрелку [Славутин, Пимонов: 45–46]. Провиденциальный заряд этого эпизода «выстреливает» постфактум – при мысленном возвращении к нему в тот момент, когда Онегин стреляет в Ленского, становясь в буквальном смысле стрелком.

Фрейшиц

Лейтмотив стрелка вновь звучит в строках, характеризующих русский перевод письма Татьяны:

Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.

(ЕО, 3, XXXI, 11–14)

«Фрейшиц» – это русское написание названия немецкой оперы “Freischütz”, которое переводится как «Вольный стрелок». Упоминание в романе оперы композитора Карла Вебера (1786–1826) не обойдено исследовательским вниманием [Лотман: 227; Бродский: 190; Набоков: 382], однако хрестоматийные комментарии носят посторонний характер по отношению к пушкинскому тексту. Между тем бросается в глаза переключка между названием оперы «Фрейшиц» («Вольный стрелок») и мотивом стрелка, который, как мы показали выше, проецируется на «стрелка» Онегина и тему дуэли. Кроме того, либретто оперы [Kind] содержит мотивы, которые переключаются с мотивами в ЕО. В основе оперы лежит любовное соперничество между двумя егерями – Максом и Каспаром – за руку Агаты, дочери их начальника. Дабы удостоиться руки своей возлюбленной, прославленный стрелок Макс должен выиграть соревнование в стрельбе. Оставляя в стороне фабульные и мотивировочные различия между оперой и ЕО, отметим формальную переключку между состязанием в стрельбе за руку женщины в либретто и стрелковой дуэлью из-за женщины в романе. Агате снится сон, в котором ее, превратившуюся в белого голубя, убивает Макс. В ходе состязания Макс действительно целится в белого голубя. Выстрел произведен – Агата падает, однако оказывается, что она жива, а гибнет Каспар – соперник Макса. Прослеживается формальная параллель меж-

ду убийством Максом Каспара и убийством Онегиным Ленского. Общим героиням – и Татьяне, и Агате – снится вещий сон, в котором обе они видят угрозу своей жизни. Ария Агаты “Leise, leise, tromme Weise” – как любовное обращение к Максиму – имеет формальное соответствие в любовном письме Татьяны к Онегину. В опере 1-я подружка невесты поет песню о брачных играх (“Wir führen dich zu Spiel und Tanz”). В ЕО Песня девушек также посвящена брачным играм («Игры наши девичьи»). Опера начинается звуком выстрела на 11-м такте: “In dem Moment, in dem sich im 11. Takt der Vorhang hebt, ertönt ein Schuss” [Kind]. Выстрел и упоминание такта в опере переключается с выстрелом Онегина и символическим боем часов: «Онегин выстрелил ... Пробыли / Часы урочные» (ЕО, 6, XXX, 13–14). Приведенные формальные соответствия между либретто и романом позволяют толковать упоминание названия оперы «Фрейшиц» как скрытое в иноязычном слове эмблематическое предвестие фабульных событий.

Ладья

Во фразе «И Ленский пешкою ладью / Берет в рассеяньи свою» (ЕО, 4, XXVI, 13–14) заключено скрытое предвестие убийства Ленского. По наблюдению А.К. Жолковского, «этот эпизод, <...> предвещает судьбу Ленского, но не каузально, а лишь эмблематически, являясь не связанным, а свободным мотивом. Нелепо самоубийственный шахматный ход добавляет

ценные черты к образу Ленского и его любовной истории, но не влияет на фабульный ход событий, в частности тех, которые поведут к дуэли, – в отличие от мстительного ухаживания Онегина за Ольгой и реакции на это Ленского» [Жолковский: 259–275]. Нам представляется, что «убийство» Ленским своей собственной фигуры, заключающее в себе мотив самоубийства («самоубийственный шахматный ход»), служит скрытым предвестием самоубийственного события: вызова им на дуэль Онегина. Хотя об опытности Онегина как стрелка-дуэлянта в романе не сказано, возникает ощущение его заведомого превосходства над Ленским, возможно, из-за бессознательного читательского отождествления героя с самим Пушкиным, известным дуэлянтом. Мотив аутодеструктивного поведения Ленского подчеркнут тем обстоятельством, что он вызывает на дуэль своего «друга» («Звал друга Ленский на дуэль» – ЕО, 6, IX, 1–4). В античном смысле друг – это «второе я», «отражение самого себя»: *Amicus est tamquam alter idem* (ego). Зеркальным образом эпизод со взятием собственной ладьи можно трактовать и как скрытое предвестие судьбы Онегина, поскольку он убивает на дуэли своего друга – в символическом смысле самого себя.

Хорей

В ближайшем контексте слова «Не мог он ямба от хорея, / Как мы ни бились, отличить» (ЕО, 1, VII, 3–4) воспринимаются как образ-

ное указание на пробелы в образовании далекого от поэзии Онегина. Тема поэзии, связанная с Онегиным, вновь возникает в восьмой главе:

Он так привык теряться в этом,
 Что чуть с ума не своротил
 Или не сделался поэтом.
 Признаться: то-то б одолжил!
 А точно: силой магнетизма
 Стихов российских механизма
 Едва в то время не постиг
 Мой бестолковый ученик.
 Как походил он на поэта,
 Когда в углу сидел один,
 И перед ним пылал камин,
 И он мурлыкал: *Benedetta*
 Иль *Idol mio* и ронял
 В огонь то туфлю, то журнал.
 (ЕО, 8, XXXVIII, 1–14)

Обращает на себя внимание контраст между неспособностью Онегина различать два самых известных стихотворных размера и его, хотя и не реализованным, потенциалом поэта, на которого он не только «походил», но которым он «чуть не сделался» («едва не постиг» «стихов российских механизма»). Фраза о ямбе и хорее, связывающая (с отрицательным знаком) образ Онегина с поэзией, обращается скрытым предвестием его несостоявшейся (то есть, тоже с отрицатель-

ным знаком) карьеры поэта. Кроме того, упоминание хоря в ЕО (1, VII, 3–4) находит завуалированное отображение в словах “Benedetta... Idol mio” (ЕО, 8, XXXVIII, 12–13). В. Набоков сообщает, что это слова из венецианской баркаролы «Да будет благословенна мать»: «На ее мелодию Козлов написал хорейским (курсив мой. – В. П.) четырехстопником “Венецианскую ночь”, посвятив ее Плетневу; она напечатана в “Полярной звезде” (1825): Ночь весенняя дышала / Светло-южную красой; / Тихо Брента протекала, / Серебримая лунной...» [Набоков: 765]. Пушкин знал эти стихи, что явствует из его письма Плетневу: «Скажи от меня [Ивану] Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть [Анна Керн], которая небесно поет его “Венецианскую ночь” <...> на голос гондольерского речитатива» (цит. по [Набоков: 724]). Упоминание хоря в связи с поверхностным образованием Онегина неожиданно перекликается со словами из венецианской песни, которые, в свою очередь, отсылают к написанным хореем стихам Козлова. Реализация темы хоря происходит здесь опосредованно – через итальянский текст. Непосредственно же провиденциальная функция упоминания хоря в первой главе реализуется в третьей главе, в которой хорей появляется в тексте в буквальном смысле – в виде стихотворного размера:

Песня девушек

Девицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,
 Разыграйтесь девицы,
 Разгуляйтесь, милые!
 Затяните песенку,
 Песенку заветную,
 Заманите молодца
 К хороводу нашему,
 Как заманим молодца,
 Как завидим издали,
 Разбежимтесь, милые,
 Закидаем вишеньем,
 Вишеньем, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать
 Песенки заветные,
 Не ходи подсматривать
 Игры наши девичьи.

(ЕО, 3)

Песня девушек, помещенная между XXXIX и LX строками третьей главы, представляет собой единственный фрагмент романа, написанный не ямбом, а хореем: «Она состоит из восемнадцати строк трехстопного хоря с долгими окончаниями» [Набоков: 403]. В тексте слышится виртуальная перекличка между хором («хороводу нашему») и хореем, завуалированная в этимологии: латинское choreus от древнегреческого χορεύς (khoreíōs), связано с χορός (khorós, choir,

chorus). В критике отмечалось, что «включение Песни в текст ЕО имеет двойную мотивировку: упоминание ягод связывает Песню с бытовой ситуацией (сбором крепостными девушками ягод в помещичьем саду), а символическое значение мотива – с переживаниями героини» [Гринбаум: 27]. Действительно, текст, в котором содержится любовный мотив «заманивания молодца», может рассматриваться и как предвестие встречи Татьяны с Онегиным в четвертой главе, и как предвестие ее замужества. Формально же Песня девушек оказывается буквальным воплощением скрытого предвестия, заключенного в упоминании хорея в иронической фразе об образовании Онегина.

Сон Татьяны

Стало общим местом говорить о пророческой роли сна Татьяны: «Пушкинисты <...> всегда писали о связях “Сна Татьяны” и романа, отмечая, как правило, предварение будущих событий фабулы» [Чумаков: 172]. В критике считается, что сон служит предвестием убийства Ленского на дуэли: «...во сне Татьяны <...> есть предвидение <...> убийства Ленского Онегиным» [Гершензон: 94]; «Вещий сон Татьяны <...> не только предвещает убийство Онегиным Ленского, но и заставляет героиню смутно осознать сущность того, отнюдь не бесплотного чувства, которое питает она к Онегину» [Осват: 195]. Тезис о сне как предвестии дуэли повторен

в другой работе: «... очевиден пророческий смысл сна: в нем предсказывается центральный трагический эпизод романа – убийство Онегиным Ленского» [Матюшенко, Панков: 218–222]. На сегодняшний день сон как предвестие смерти Ленского на дуэли остается в пушкинистике общепринятым постулатом.

Мы предлагаем догадку о том, что сон Татьяны заключает в себе не только очевидное предвестие реального убийства Онегиным Ленского на дуэли, но и скрытое предвестие символической смерти самого Онегина в финале романа. Важное различие между смертью Ленского в сне Татьяны и его реальной гибелью обусловлено тем обстоятельством, что на дуэли Онегин убивает его выстрелом из пистолета, а в сновидении – ударом ножа. Смена орудия убийства одного и того же персонажа, сначала в сновидении, потом – наяву, не может быть случайной. По существу, мы имеем дело с двумя убийствами Ленского [Сендерович: 311].

Анаграмма

Всмотримся в звуко-буквенный узор финального эпизода сна Татьяны, в котором Онегин убивает Ленского. (Буквы в тексте выделены нами для наглядной демонстрации звукописи. – В. П.)

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный **нож**, и вмиг
Повержен **Ленский**; страшно тени

Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...
(ЕО 5, XXI, 1–6)

Слышится продергивание через всю строфу звуков «н», «ж», «ш», перестановка которых в разных словах в комбинации с «о» образует слово *нож*. Таким образом, ключевое слово сцены, обозначающее орудие убийства (и служащее знаком смерти) зашифровано в анаграмме. В данном случае можно говорить о скрытом предвестии, выраженном «незаметной фонетической подготовкой ключевого слова в стихе постепенным нагнетанием соответствующих звуков (анаграммирование)» [Щеглов, Жолковский: 92]. Под анаграммой понимается перестановка букв в слове или в нескольких словах в любом порядке, образующая новое слово [Давыдов: 165]. Появление *ножа* в сцене убийства подготовлено скрытым предвестием в виде звукописи в первой части сна Татьяны: «Медведь промолвил: здесь мой кум: / Погрейся у него **немножко!**» (в наречие *немножко* фонетически «вмонтировано» существительное – *нож*, – В.П.). Теперь присмотримся к звукобуквенному узору финальной сцены романа:

Она ушла. Стоит Евгений, (о-н-ш = **нож**)
Как будто громом поражен. (параж`он = **нож**)
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен! (пагруж`он = **нож**)

Но шпор незапный звон раздался, (ношпор = **нож**)
И муж Татьянин показался, (ш-н-н-о = **нож**)
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда...
(ЕО 8, XLVIII, 1–10)

Насыщение текста повторами звуков «н», «ж», «ш» образует анаграмму слова *нож*, который в сне Татьяны связан с темой смерти. Страдательные причастия «поражен» и «погружен», обозначающие обездвиженное состояние Онегина в концовке, фонетически перекликаются с причастием «повержен», которое обозначает смерть Ленского в сне Татьяны. Повторение согласных «н» – «ж» в этих словах устанавливает дополнительную перекличку со словом *нож*.

Нож и ножки

Мотив *ножа* изощренным образом спрятан в звуковом узоре строки «**Но шпор незапный звон** раздался» (ЕО 8, XLVIII, 5), первые три буквы которой читаются как [нош] – *нож*. При этом мотив *ножа* совмещен здесь с мотивом *ножек*, впервые прозвучавшим в знаменитом отступлении «Люблю их ножки...» (ЕО, 1, XXX, 8–14). Отступление о *ножках* [нош-ках] служит фонетической подготовкой (скрытым звуковым предвестием) появления слова *нож* [нош] в сне Татьяны.

В финальной сцене романа звуко сочетание «**но шпор**» фонетически соединяет в себе *нож* [нош] и *шпору*, которая выступает метонимической заменой *ноги*. Образуется подспудная переключка между *башишачком* на *женской ножке* Татьяны («То в хрупком снеге с *ножки* милой / Увязнет мокрый башмачок» – 5, XIV, 6–7) и *сапогом* на *мужской ноге* ее мужа (шпора крепится именно на сапоге). Вместо эфемерной *ножки* Татьяны, о которой привидевшийся ей в предбрачном сне «жених»-Онегин сказал: «Мое!» (ЕО 5, XX, 1), наяву перед героем материализуется *нога* ее мужа, чье появление предваряется «звоном шпор». Виртуальный контраст между *ножкой* милой Татьяны и *ногой* ее мужа-генерала (в сапоге со *шпорами*) имеет скрытое предвестие в первой главе: «Бренчат кавалергарда *шпоры*; / Летают *ножки* милых дам» (ЕО 1, XXVIII, 9–10).

Символическая смерть

Мотив ножа находит выражение в двух далеко отстоящих друг от друга точках текста: сначала в виде реального предмета – орудия убийства (в сне Татьяны), затем (в финальной сцене романа) в виде анаграммы. Тем самым нож, появляющийся в сне героини, оказывается скрытым предвестием символической смерти Онегина [ср. Пимонов: 78–83]. В структурном смысле обрыв повествования об Онегине («И здесь героя моего, / В минуту, злую для него, / Читатель, мы теперь

оставим, / Надолго... навсегда...») содержит намек на обрыв его жизни, оставляя простор для воображения пушкинистов. Попытка воплотить этот вероятный подтекст сцены предпринята в балете «Онегин» (в постановке Бориса Эйфмана), где «оскорбленный муж засаживает главному герою под сердце острый нож» [Федорченко: 15].

Заключение

Скрытые предвестия представляют собой характерную особенность поэтики ЕО. Текст романа соткан из множества завуалированных параллелей и переключек, которые образуют структуру скрытого предвестия. Скрытое предвестие проявляется лишь постфактум, когда в событии обнаруживается отображение более раннего, далеко отстоящего от него элемента текста, который при первом прочтении не воспринимается как имеющий отношение к этому событию. Реализация скрытого предвестия происходит в тот момент, когда слово или высказывание, имеющее прямое значение в ближайшем контексте, неожиданно обретает переносный смысл в расширенном контексте и, наоборот, когда слово или высказывание, имеющее переносное значение в ближайшем контексте, приобретает буквальный смысл в расширенном контексте сюжета.

Литература

Бродский, Н.Л. «Евгений Онегин». Роман

А.С. Пушкина. М.: Учпедгиз, 1950.

Гершензон, М.О. Сны Пушкина // Пушкин. Сб. 1. М.: Государственное издательство, 1924. С. 77–96.

Гринбаум, О.Н. Пушкинский хорей в ямбическом романе «Евгений Онегин», или «Песня девушек» в гармоническом освещении // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 2. С. 27–37.

Давыдов, С.С. Звуковое хозяйство Пушкина // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 35. Russian Literature and the West. A tribute for David M. Bethea. Part 1. 2008. P. 157–176.

Жолковский, А.К. ЕО, 4, XXVI, 13–14: К поэтике концовок онегинской строфы // Звезда, 2022, № 5. С. 259–275.

Жолковский, А.К., Щеглов Ю.К. *Ex ungue leonem*. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Лотман, Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983.

Набоков, В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / пер. с англ. под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999.

Матюшенко, А.Г., Панков Ф.И. Сон Онегина (к вопросу о зеркальности композиции романа в стихах А.С. Пушкина) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сб. научно-методических статей по преподаванию РКИ. Том 7. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 218–222.

Осповат, Л.С. «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина

1821–1831 гг. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 12. Л.: Наука, 1986. С. 175–199.

Пимонов, В.И. Поэтика театральности в творчестве Шекспира. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Флинта, 2020.

Пимонов, В.И. Что случилось с Онегиным. Поэтика финала пушкинского романа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Т. 24. № 85. С. 78–83.

Потебня, А.А. Переправа через реку как представление брака // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 553–565.

Пушкин А.С. Евгений Онегин / Ред. Б.В. Томашевский. Полн. собр. соч. В 16 тт. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1959. Т. 6. 1937.

Сендерович, С.Я. Две смерти Ленского // Фигура сокрытия: Избранные работы. Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 311–325.

Славутин Е.И., Пимонов В.И. Структура сюжета. М.: Флинта, 2018.

Турбин, В.Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Издательство МГУ, 1996.

Федорченко, О. Нож в сердце Онегина // Газета «Коммерсантъ С-Петербург». № 40. 06.03.2009. С. 15.

Чумаков, Ю.Н. Сон Татьяны как стихотворная новелла // Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. Сб. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-

Петербург, 1999. С. 83–105.

Щеглов, Ю.К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Kind, F. (n.d.). *Der Freischütz Libretto*. Retrieved from: <http://opera.stanford.edu/Weber/Freischutz/libretto.html> (date of access: 01.03.23).

References

Brodskij, N.L. (1950). «*Evgenij Onegin*». Roman A.S. *Pushkina* [Eugene Onegin. A.S. Pushkin's novel]. Moscow: Uchpedgiz.

Chumakov, Yu. N. (1999). Son Tat'jany kak stihotvornaja novella [Tatiana's dream as a poetic novella]. In Yu. N. Chumakov, *Stihotvornaja poetika Pushkina* [Pushkin's poetics]. Saint Petersburg: State Pushkin Theater Center, 83–105.

Davydov, S.S. (2008). Zvukovoe hozjajstvo Pushkina [Pushkin's sound house]. *Stanford Slavic Studies (Vol. 35). Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea*, 1.

Fedorchenko, O. (2009, March 6). Nozh v serdce Onegina [A knife in Onegin's heart]. *Kommersant Saint Petersburg*, 40, 15.

Gershenzon, M.O. (1924). Sny Pushkina [Pushkin's dreams]. In *Pushkin* (Vol. 1). Moscow, 77–96.

Grinbaum, O.N. (2011). Pushkinskij horej v jambicheskom romane «*Evgenij Onegin*», ili «*Pesnja devushek*» v garmonicheskom osveshhenii [Pushkin's chorus in the iambic novel “Eugene Onegin”, or “The Song of Girls” in harmonic lighting]. *Vestnik SPbGU* [Herald of Saint

Petersburg State University]. 9(2), 27–37.

Kind, F. (n.d.). *Der Freischütz Libretto*. Retrieved from: <http://opera.stanford.edu/Weber/Freischutz/libretto.html> (date of access: 01.03.23).

Lotman, Yu.M. (1983). *Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin»*. *Kommentarij* [A.S. Pushkin's novel “Eugene Onegin”. Comment]. Leningrad: Prosveshhenie.

Matjushenko, A.G., & Pankov F.I. (2005). Son Onegina (k voprosu o zerkal'nosti kompozicii romana v stihah A.S. Pushkina) [Onegin's Dream (on the mirroring of the composition of the novel in the poems of A.S. Pushkin)]. *Slovo. Grammatika. Rech'* [Word. Grammar. Speech.], 7. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 218–222.

Nabokov, V. (1999). *Kommentarii k «Evgeniju Onegina» Aleksandra Pushkina* [Comments on “Eugene Onegin” by Alexander Pushkin] (A.N. Nikoljukin, Trans.). Moscow: Intelvak.

Ospovat, L.S. (1986). «Vljublennyj bes»: Zamysel i ego transformacija v tvorcestve Pushkina 1821–1831 gg. [“The Devil in love”: The idea and its transformation in the works of Pushkin 1821–1831]. In *Pushkin: issledovanija i materialy* [Pushkin: research and materials] (Vol. 12). Leningrad: Nauka, 175–199.

Pimonov, V.I. (2022). Chto stalos' s Oneginym. Pojetika finala pushkinskogo romana [What happened to Onegin. The poetics of the finale of Pushkin's novel]. *Izvestija Samarskogo Nauchnogo Centra Rossijskoj Akademii Nauk. Social'nye, Gumanitarnye, Mediko-Biologicheskie Nauki* [Proceedings of the Samara Scientific

Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences], 24(85), 78–83.

Pimonov, V.I. (2020). *Pojetika teatral'nosti v tvorcestve Shekspira* [The poetics of theatricality in Shakespeare's work] (3rd ed.). Moscow: Flinta.

Potebnja, A.A. (1989). Pereprava cherez reku kak predstavlenie braka [Crossing the river as a representation of marriage]. In A.A. Potebnja, *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda, 553–565.

Pushkin, A.S. (1937). Evgenij Onegin [Eugene Onegin]. In B.V. Tomashevskij (Ed.), *Poln. sobr. soch. V 16 tt.* [Complete collection of works in 16 vols.] (Vol. 6). Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1937–1959.

Senderovich, S.Ya. (2012). Dve smerti Lenskogo [Two deaths of Lensky]. In S.Ya. Senderovich, *Figura sokrytija: izbrannye raboty. T.1.* [The figure of concealment: selected works] (Vol.1). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 311–325.

Scheglov, Yu.K. (2012). *Proza. Pojezija. Pojetika. Izbrannye raboty* [Prose. Poetry. Poetics. Selected works]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Slavutin, E.I., & Pimonov, V.I. (2018). *Struktura sjuzheta* [Plot structure]. Moscow: Flinta.

Turbin, V.N. (1996). *Pojetika romana A.S. Pushkina «Evgenij Onegin»* [The poetics of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.

Zholkovskij, A.K., & Scheglov Yu.K. (2016). *Ex ungue leonem. Detskie rasskazy L. Tolstogo i pojetika vyrazitel'nosti* [Ex ungue leonem. Children's stories by L. Tolstoy and the poetics of expressiveness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Zholkovskij, A.K. (2022). EO, 4, XXVI, 13–14: k pojetike koncovok oneginskoj strofy [EO, 4, XXVI, 13-14: towards the poetics of the endings of the Onegin stanza]. *Zvezda* [Star], 5, 259–275.

Для цитирования: Пимонов, В.И. Скрытые предвестия в «Евгении Онегине» Пушкина // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 2. С. 121–133. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-2-121-133

For citation: Pimonov, V.I. (2023). Covert foreshadowing in Poushkin's "Eugene Onegin". *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (2), 121–131. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-2-121-133

COVERT FORESHADOWING IN PUSHKIN'S "EUGENE ONEGIN"

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology, Copenhagen (Denmark); e-mail: ivpet65@mail.ru

Abstract. This paper focuses on covert foreshadowing in Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin". With covert foreshadowing, the shadow doesn't emerge until the light of a past event illuminates the hidden clues. Covert foreshadowing is only revealed post factum, when the event that already has happened elucidates a hidden meaning of an earlier episode, phrase or word that at first glance is not realized as related to the future event. Covert foreshadowing is based on veiled parallels and echoes of meaning. The paper discusses covert foreshadowing in "Eugene Onegin" based on the inversion of direct and figurative meaning, emblematic presentation of the theme, camouflaged phonetic preparation of the keyword of the theme by alliteration. The author argues that 1) a reference to Freischütz, a German opera that depicts a shooting contest for the maiden's hand is a covert foreshadowing prefiguring Onegin's shooting Lensky; 2) Lensky's capture of his own rook as a suicidal chess move is a covert foreshadowing of his future suicidal action when he challenges Onegin to a duel; 3) mentioning of trochee in the ironic phrase about Onegin's superficial education is a covert foreshadowing prefiguring the appearance of trochee in the form of a poetic meter used in The Maidens' Song; 4) the motif of knife conveyed in Tatyana's dream by a real object – the murder weapon (symbol of death), reappears in the final scene of the novel in the form of anagram, thus prefiguring Onegin's symbolic death.

Key words: Pushkin, Eugene Onegin, foreshadowing, context, event, parallel, plot, trochee, dream, opera, anagram

